

В. В. Баранова, К. С. Федорова

*НИУ ВШЭ — ИЛИ РАН, Санкт-Петербург,
Университет иностранных языков Хангук, Сеул — ЕУ СПб*

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ГОРОДЕ: ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА, ДИСКУРСЫ И ПРАКТИКА

1. Введение

Несмотря на длительную историю многоэтничности и многоязычия на территории Российской империи, СССР, а затем РФ и постсоветских государств, в современном российском обществе относительно слабо развиты представления о взаимодействии разных языков, условиях многоязычной коммуникации и знания о контактных языках. В последние десятилетия, в условиях постоянного притока в крупные города новых жителей с отличными от русского языками, вопросы многоязычия, казалось бы, должны были получить осознание, однако в целом они относительно мало артикулированы в публичном пространстве. Как отмечалось в [Fedorova, Baranova 2018; Baranova, Fedorova forthcoming; Kliuchnikova 2018], для российских городов характерен «монолингвальный фасад», проявляющийся как на уровне языкового ландшафта и практик употребления других, помимо русского, языков в публичном пространстве, так и на уровне представлений о нормах собственно русского языка, которые рассматриваются как крайне жесткие и обязательные, в том числе и для не-носителей. Как на этом фоне воспринимается увеличивающееся языковое разнообразие? Современный российский город де-факто многоязычен и состоит как из носителей региональных вариантов русского языка, так и людей, в разной степени владеющих русским как вторым, и эти группы коммуницируют между собой.

В статье анализируются практики языкового поведения и стоящие за ними идеологические конструкты в отношении языков мигрантов в российских городах. Следует оговорить, что эта категория —

«мигранты» — сконструирована в общественном дискурсе для отделения «традиционных» этнических групп от «недавних» приезжих, однако в процессе обсуждения трансформировалась таким образом, что в бытовом языке может включать практически любые «видимые меньшинства», например, разные этнические группы из Дагестана и других регионов РФ. Ниже мы будем использовать обозначение «мигранты» как некий внешний условный ярлык, объединяющий группы с разным социальным опытом и биографиями. Это выделение связано, в частности с языковой политикой, направленной на жителей других государств, работающих в РФ. Языки других, или «нерусские языки» (далее — НРЯ), будут рассматриваться преимущественно на примере языков мигрантов из Средней Азии (в основном, узбекского и киргизского), однако при анализе общественного дискурса зачастую трудно определить, к каким конкретно языкам апеллирует говорящий, не говоря уже о том, что значительная часть носителей русского языка не делает различий между представителями разных этнических групп, объединяя всех их одним, нередко негативно окрашенным, понятием — «мигранты», «понаехавшие», «нерусские».

Статья рассматривает отношение к языкам этнических меньшинств в современном российском мегаполисе на трех уровнях: языковой политики, отношения к другим языкам на дискурсивном уровне и их отражения в практиках коммуникации с мигрантами, складывающихся в современном городе. В фокусе будут, прежде всего, представления **о выборе языка**, т. е. о том, на каком языке должны говорить люди, приехавшие на работу в крупный российский город, в публичном месте, однако отчасти будет рассмотрено и **отношение к русскому языку, на котором говорят приезжие**.

Статья организована следующим образом. В разделе 2 представлена теоретическая рамка исследования и описан используемый материал. В разделе 3 рассматривается языковая политика на материале закона о языке и языковых экзаменов для мигрантов. В разделе 4 обсуждаются инициативы ряда политиков и общественных деятелей, а также рассматриваются онлайн-дискуссии русскоязычных жителей о многоязычии и языковом выборе трудовых мигрантов. Раздел 5 посвящен анализу интервью, описывающих, как на практике устроена многоязычная коммуникация в российских городах. В заключительном разделе обсуждаются основные результаты исследования.

2. Теории языкового планирования и методология

Для данного исследования важно понятие языкового менеджмента, используемое в работах Б. Спольски [Spolsky 2003], рассматривающее модели выбора языка на разных уровнях: в семье, в религиозных группах, на рабочем месте, в медицинских и юридических организациях, в школе, в армии и правительстве. Если учитывать не только государственную языковую политику, но и все многообразие подобных ситуаций, оказывается, что языковое планирование не монолитно. На разных уровнях идиомами или стилями одного языка оперируют разные акторы, и хотя они, разумеется, обладают разной властью, все они вносят свой вклад в доминирующую в данном обществе систему отношений между языками или вариантами языка.

В данной статье будут рассмотрены два уровня языкового менеджмента: 1) традиционный для исследований языковой политики уровень законодательства, формирующий зонтичный подход к многоязычию и оказывающий существенное влияние на дискурс о языковых меньшинствах; 2) языковой менеджмент на рабочем месте, являющийся результатом взаимодействия работодателей и сотрудников с разным уровнем владения русским языком. В данном случае мы будем рассматривать, как коммуникация организована «сверху» работодателем (разумеется, если есть сформулированные правила), а не вопрос о том, как на низовом уровне складываются правила многоязычного общения между сотрудниками. Другие важные сферы языкового планирования, такие как религиозные институты или образование, рассматриваться не будут.

Современные теории языкового планирования неслучайно обращаются к микроуровню. Важно понимать, что факторами, оказывающими влияние на коммуникацию в многоязычном окружении, часто служат индивидуальные решения вовлеченных акторов [Liddicoat, Taylor-Leech 2014; Baldauf 2006]. Частные решения о выборе языка на рабочем месте определяются, в частности, индивидуальными обстоятельствами работодателей, однако совокупность событий на микроуровне на практике образует мозаичную картину языковой политики и отношения к языкам в обществе.

Многоязычное общение в современном мегаполисе современные исследования нередко описывают через понятие *translanguaging*,

предполагающее использование в разговоре нескольких языков, каждым из которых в разной степени владеют собеседники. Использование подобных стратегий типично для многих мультиэтнических городов мира [см., например: Arnautetal 2015; Pennycook, Otsuji 2015; Canagarajah 2017], однако на основе имеющихся данных пока сложно судить, насколько это характерно для российского мегаполиса.

В статье представлен также анализ дискурса о языках мигрантов. Обсуждение того, как должны быть устроены правила многоязычного взаимодействия в обществе, отражает представления о русском языке в целом — высокую степень кодификации, недоверие к вариантам и пр. В то же время эти дискуссии коррелируют с ксенофобией и отрицательным отношением к миграции (см., например: [Дубровский, Карпенко 2003]), что делает их отражением настроений специфической части российского общества. Для Рунета в целом характерен весьма категоричный метод ведения дискуссий [Зверева 2016], даже если не затрагиваются болезненные темы, а в данном случае сама заданная тема предполагает, что высказутся преимущественно те, кто испытывает недовольство. Однако мы не стремились выделить те или иные голоса. Для анализа были использованы типичные, часто встречающиеся высказывания, описывающие отношение индивида к многоязычию и изменению звукового фона российских городов. Очевидно, что такой подход отчасти нивелирует существующие в обществе различия, но позволяет описать доминирующий дискурс.

Исследования звукового ландшафта (soundscape) обращают внимание на этническую музыку, допустимый и привычный уровень громкости звуков, однако фоновое звучание других языков также может быть осмыслено как часть городской повседневности [Scarvaglieri et al. 2013]. В связи с этим возникает вопрос о различении миноритарных языков. Насколько средний горожанин опознает тот или иной идиом, даже если не может понять, что именно говорят? Считают ли жители это умение важным? Как при трансформации этнического состава города меняется состав идиомов, которые распознает горожанин?

Данные в этом исследовании подразумевают несколько разных методов сбора и анализа данных.

Во-первых, для анализа языковой политики использованы официальные документы, а также материалы в СМИ о реализации

языковой политики в регионах. Для их анализа применялись упомянутые выше теоретические подходы к языковому планированию.

Во-вторых, для описания дискурса о многоязычии привлекались материалы интернет-форумов, социальных сетей и интернет-комментариев к публикациям СМИ по теме миграций. В данном случае не ставилась задача репрезентативной для российского общества выборки разных по идеологии платформ или представлению различных возрастных и социальных групп. Целью описания являлись именно общие фоновые установки, которые часто выносятся в пресуппозицию высказывания. Конкретным кейсом является отношение к звучащей на улицах и в других публичных местах нерусской и / или русской речи с акцентом и грамматическими отклонениями от стандартной.

Третья часть, описание практик коммуникации жителей мегаполисов с трудовыми мигрантами, основана на материалах интервью преимущественно с приезжими из постсоветских государств в Санкт-Петербург и Москву, в которых для анализа были выделены коды «коммуникация на рабочем месте» и «разговор в публичном месте». Следует оговорить, что для целей данной работы интервью как метод сбора данных имеет определенные ограничения, которые в дальнейшем можно было бы снизить, используя наблюдения. Важным преимуществом этой работы является попытка проследить изменения, произошедшие за последние 10 лет. Интервью, собранные в 2017–2018 гг. в рамках проектной группы «Биографии трудовых мигрантов» (20 интервью), сопоставляются со значительным массивом данных, полученных в нескольких исследовательских проектах НУЛ СОН НИУ ВШЭ в 2009–2010 гг.¹ Кроме того, использованы некоторые интервью с русскими, работающими с трудовыми мигрантами.

¹ Благодарим респондентов и участников студенческой проектной группы «Биографии мигрантов» (2017–2018 гг.) и проектов Лаборатории социологии образования и науки НИУ ВШЭ разных лет, а также коллег, обсуждавших доклады с предварительными соображениями на конференции «Urban Diversities» (Москва, 9–10 апреля 2018 г.) и ежегодной конференции BASEES (Кембридж, 13–15 апреля 2018 г.). Исследование частично выполнено в рамках проекта «Языки Москвы» при поддержке ОГОН РФФИ № 16-04-00474.

3. Языковая политика в сфере миграции

Государственное регулирование в сфере языкового употребления в отношении мигрантов началось в России относительно недавно. В 2014 году были приняты и с 1 января 2015 года вступили в силу поправки в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Согласно этим изменениям, иностранцы, претендующие на получение разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу либо патента, должны подтверждать свое владение русским языком, знание истории России и основ законодательства РФ. Исключение было сделано для высококвалифицированных специалистов и членов их семей, а также детей, студентов, пожилых людей и официально недееспособных, а также юридически признанных «носителей русского языка». Все прочие, включая трудовых мигрантов из Средней Азии (кроме граждан Казахстана и Кыргызстана, входящих в Таможенный союз), занятых на низкоквалифицированных работах, столкнулись с необходимостью сдавать экзамены либо каким-то другим образом обзаводиться документами, подтверждающими знание языка.

Сдавать экзамен можно в специализированных центрах тестирования или на базе ограниченного числа вузов, при них же организуются курсы подготовки к сдаче экзаменов. Уровень сложности экзамена зависит от цели — наиболее высокую степень владения русским языком должны продемонстрировать претенденты на получение российского гражданства, минимальные языковые требования предъявляются заявителям на трудовой патент. По результатам успешного тестирования выдается «Сертификат о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации» сроком действия на пять лет. И тестирование, и подготовка к нему, и передача экзамена или его частей являются платными услугами, добавляя к стоимости оформления патента как минимум 5 тысяч рублей. Впрочем, регионы РФ могут разрабатывать собственные региональные сертификаты сроком действия 1 год, они, как правило, обходятся намного дешевле, а зачастую являются формальным прикрытием для коррупционных схем. Насколько можно судить по публикациям СМИ (см., например, расследование корреспондентки «Новой газеты» Дианы Хачатрян, опубликованное 5 сентября 2015 года) и данным интервью, для многих мигрантов и / или их работодателей оказывается проще

прибегнуть к услугам фирм-посредниц, предлагающих оформление сертификатов без реальной сдачи экзамена, чем тратить время и деньги на учебу и тестирование. Соответственно, языковые курсы, которые могли бы выполнять функцию механизма интеграции, оказываются мало востребованными.

Сама по себе попытка законодательного регулирования языковой сферы и, в частности, юридически формализованного определения того, что такое «владение языком» и кто может признаваться «носителем языка», представляет собой интересный случай проекции языковой идеологии, характерной для данного общества. Однако ее подробный анализ выходит за рамки данной статьи, отметим лишь явно и декларативно выраженное представление о том, что владение русским языком (а не каким-либо еще из языков, распространенных в отдельных регионах России) является нормативным и ожидаемым для мигрантов, а игнорирование этого ожидания влечет за собой юридические последствия — невозможность официально работать, нарушение миграционного режима, штрафы и депортации. Еще более характерной в этом отношении является инициатива представителей Либерально-демократической партии России по введению правового регулирования языкового поведения: в декабре 2013 года они внесли в Государственную думу проект поправок в Закон «О государственном языке Российской Федерации», запрещающих в рабочее время и на рабочем месте «общаться на зарубежном языке». Депутаты ссылались на то, что коренное население испытывает негодование, когда слышит, как мигранты разговаривают между собой на непонятном языке. Поправки подверглись закономерной критике как нереалистичные и приняты не были, но сама по себе идея того, что возможно регулировать коммуникацию на рабочем месте, а также использованная мотивировка свидетельствует о том, что жесткая монолингвальная установка и неприятие иных языков для части российского общества выглядят естественными. Это подтверждает и анализ высказываний о мигрантах и их языках в интернете.

4. Представления о языках мигрантов

Характерно, что значительное число весьма ярких примеров высказываний о языках мигрантов можно обнаружить среди комментариев под новостями о языковом тестировании и законодательной инициативе ЛДПР, где многие делают весьма резкие заявления

в адрес слабо владеющих русским языком мигрантов, подтверждая, в известном смысле, приводимые депутатами аргументы. Любая публикация, затрагивающая проблемы мигрантов и их языковой интеграции, вызывает шквал комментариев разной степени агрессивности по отношению к приезжим. Как правило, в таких высказываниях языки мигрантов, с одной стороны, никак не дифференцируются между собой, выступая как некий единый непонятный и противопоставленный русскому код. С другой стороны, вербальное поведение мигрантов расценивается как потенциально агрессивное и нередко злонамеренное. Рассмотрим некоторые примеры выражения этих стереотипов:

- (1) *приехали в Москву трудовые мигранты, будьте добры знать русский язык, а то аж противно когда идешь по центру столицы а за спиной на своем языке лапочут и явно довольны что их никто не понимает...*²
- (2) *Когда я слышу не русскую речь на улицах, мне хочется подойти и дать им по голове учебником русского языка. Мы живём в России. И если уж вы сунулись сюда, сделайте одолжение, научитесь говорить по-русски. Я живу в городе Пермь. У нас есть рынок, там очень много трудовых мигрантов. Иду по переходу — слышу только нерусскую речь. Мне кажется, это ненормально. Создаётся ощущение, будто ты находишься далеко от Родины. В чужих местах.*
- (3) *«Трудовые мигранты должны знать И РАЗГОВАРИВАТЬ на русском языке»!!! Не скажу что этот разговор должен быть везде, трудовые мигранты среди своих могут и им не кто не запрещает общаться на своем родном языке, но в организациях и местах с русскоязычным населением, уж будьте добры! Это в конце концов просто не этично когда трудовые мигранты общаются на своем языке! МЫ их не можем понять и на этой почве возникает масса конфликтов и неразберих!*
- (4) *Если ты Россиянин, то обязан знать язык, если ты гражданин другой страны, найми переводчика. Не совсем приятно, когда на рынке или другом месте, где основная масса русскоязычные,*

² Во всех примерах, взятых из интернет-коммуникации, сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

отдельные кадры лепечут что-то, можно подумать, что смеются над тобой. Говорите между собой, но в общественных местах лучше слышать родное.

Во всех подобных высказываниях акцентируются негативные эмоции, которые испытывает носитель русского языка не только от невозможности установить коммуникацию с приезжими, но и от ситуации, когда вокруг него звучит незнакомая речь, смысла которой он не понимает. Несмотря на то что он не является адресатом этой речи, она не может оставаться незначимым фоновым шумом, в ней слышится угроза и намеренное игнорирование «правил приличия» — действиям иноязычных говорящих приписывается злой умысел, предполагается, что они могут говорить по-русски, но просто не хотят и используют свои родные языки как тайный код, позволяющий безнаказанно выражать неприятное для русскоязычного слушателя содержание:

- (5) *у нас в Пензе шаурмой торгуют приезжие. когда делают заказ — обязательно на своём усиленно лопочут. откуда я знаю, может он мне желает, чтоб я подавилась этой шаурмой. на замечания говорить по-русски реагируют агрессивно. значит точно проклинают. или песни на своём языке распевают во время работы. особый шик для них — это по сотовому на всю Ивановскую лопотать по-ненашенски.*

Обращает на себя внимание широкое использование в подобных высказываниях различных пейоративных номинаций для иноязычной речи. Такие слова как «лопотать», «бормотать», «тарабарщина» актуализируют значение непонятности, невнятности, это недифференцируемая речь, смысл которой скрыт или вовсе отсутствует. Другие выбираемые лексические средства — такие слова, как «горланить», «орать» — подчеркивают неприличное, с точки зрения носителей русского языка, вербальное поведение: повышение громкости, в том числе и громкий разговор между собеседниками, находящимися на большой дистанции, а также, вероятно, использование непривычных фонем и их сочетаний.

Интересно также, что языки трудовых мигрантов противопоставляются «настоящим» иностранным языкам, как в данном примере:

- (6) *а меня вот раздражает их тарабарщина, особенно когда как дикари орут на своем на всю улицу/магазин/метро и тд при*

всем при этом, очень нравится слушать китайский, японский, английский, чуть меньше немецкий с французским, другие языки как-то не встречал особо, или не помню просто)

Если «настоящие» иностранные языки оцениваются как престижные и эстетически привлекательные, то узбекский, таджикский или азербайджанский, на которых говорят мигранты, не рассматриваются как имеющие какую-то ценность. Это напоминает ситуацию с различным отношением к «престижному» и «непрестижному» билингвизму, когда владение выученным в школе европейским языком оценивается как желательное и престижное, а реальное дву- или многоязычие меньшинств, говорящих, помимо стандартного, на своих языках, представляется нежелательным и свидетельствующим о возможных проблемах с образованием (см. [Deprez 1994]).

Наряду с эксплицитно выраженным персональным неприятием чужих языков и их носителей встречаются в комментариях и попытки более абстрагированного описания ситуации и своеобразной рационализации негативного языкового стереотипа:

- (7) *я считаю в принципе правильно, а то иногда в магазине не могут объяснить что им нужно и из за этого все ждут, а в время деньги, а особенно в Москве в городе в котором все куда то спешат. Да и самим мигрантом будет проще и удобней, ориентироваться в чужом городе и в чужой стране.*
- (8) *мигранты нередко позволяют себе громко кричать на улицах. Или идёт по улице и почти кричит в телефон непонятные слова. Так уж устроен мозг человека, что громкие фразы, произнесенные на чужом языке, воспринимаются отрицательно. Особенно, если язык не столь мелодичен, как итальянский или французский, а его носитель не похож на английского джентельмена.*

В последнем случае также подчеркивается разница между «настоящими и культурными» языками и их носителями и сомнительными в этом отношении языками мигрантов.

Таким образом, в дискурсе носителей русского языка вербализуется императивное требование к приезжим говорить по-русски и отказываться от привычных способов коммуникации. В то же время неспособность мигрантов в полной мере овладеть стандартным русским языком также ставит их в уязвимую позицию,

поскольку жесткая установка на нормативность и языковой пуризм маркирует их как «неполноценных» говорящих. Проблема отношения к этнически окрашенной русской речи чрезвычайно сложна, отметим лишь, что мигранты оказываются в ситуации, когда им транслируется своего рода «двойное послание»: с одной стороны, «нам не нравится, когда ты говоришь на родном языке, необходимо говорить по-русски», а с другой — «нам не нравится, как ты говоришь по-русски». Возникает закономерный вопрос: в какой степени метаязыковой дискурс отражает существующую речевую практику?

5. Практика коммуникации

В данном разделе будет кратко рассмотрено, как на практике складывается коммуникация между трудовыми мигрантами и русскоязычным большинством в мегаполисе в отношении многоязычия и выбора языка. Из-за ограничений объема публикации будут выбраны только два аспекта ситуации, часто упоминаемые в интервью с мигрантами: языковой менеджмент на рабочем месте и контроль за языком в публичном пространстве, в частности в транспорте. Эти два момента показательны также с точки зрения властных отношений: на рабочем месте право работодателя устанавливать собственные правила практически не подвергается сомнению, тогда как вмешательство в приватное общение в публичном месте гораздо в меньшей степени оправдано. Здесь не рассматриваются промежуточные случаи, в частности примеры контроля за языком учащихся со стороны учителей или администрации школы [Александров и др. 2011]³, а также врача и др. «институциональных» участников [Баранова 2012].

Следует учитывать, что влияние на языковой менеджмент на рабочем месте оказывают также факторы, не ориентированные изначально собственно на язык или, по крайней мере, на уровне деклараций направленные на решение других задач. Например,

³ Показательно, что сами учителя обозначают ситуацию как **просьбу**, см. интервью с директором одной из петербургских школ: «Мы нацеливаем родителей, просим говорить дома по-русски, чтобы детям было полегче. Но сами понимаете, что это невозможно. Но мы делаем все возможное». [Александров и др. 2012: 187].

согласно одному из интервью с русскоязычным менеджером сети кофеен в аэропорте (ж., ок. 20 лет, СПб), курировавшим работу службы клининга, в Пулково после терактов весной 2017 г. были изменены правила найма уборщиков: в двух зонах из трех (международной и русской) теперь необходима постоянная регистрация для работников клининговой службы, и наем осуществляется только по договору, что автоматически привело к заметному для других сотрудников изменению звукового ландшафта, тогда как в общей зоне остались уборщики, которые говорят между собой и по телефону на узбекском. На возможность разговаривать на своем языке вслух, как и на другие признаки «видимости», также оказывает влияние мигрантофобия и уровень страхов в обществе, которые достаточно высоки (см., например, [Деминцева 2013; Bessudnov 2016]). Здесь будут рассмотрены только осознанные и отрефлектированные респондентами в интервью принципы выбора языка на рабочем месте и в транспорте (или другом публичном пространстве).

Рабочее пространство важно для поддержки многоязычия по нескольким причинам: во-первых, для многих недавно приехавших сотрудников это часто едва ли не единственный ресурс для изучения русского; во-вторых, трудовые мигранты проводят на работе значительную часть своего времени, нормами являются рабочие смены по 10–12 часов; в-третьих, рабочая коммуникация направлена на решение совместных задач, то есть людям в любом случае надо договориться, даже если они используют разные коды.

В интервью часто подчеркиваются усилия, которые тратились на овладение русским языком в первые годы после переезда. Рабочая коммуникация позволяет выучить русский или повысить уровень владения языком естественным образом. Как отмечают респонденты, русскоязычные участники коммуникации обычно **исправляют** ошибки в русском языке собеседников:

- (9) [как выучил русский?] *Ну, вот с русскими работал здесь, они вот изучают (здесь: «слушают, стараются понять». — В. Б., К. Ф.), если неправильно говорим, вот поправит* (Д., м., 32 года, Узбекистан, СПб., 2018).

Знание русского языка часто подчеркивается как важный элемент, способствующий устройству на работу, наряду, впрочем, с другими факторами:

- (10) *Мы просто приехали в Москву. Тогда уже наши ребята работали таксистами. Среди них оказался наш земляк. И он нас забрал к себе. Потом по знакомству он взял нас. Он видел, что мы хорошо разговариваем по-русски, цивилизованные люди, и он забрал нас в телецентр Москвы.* (Ф., ж., 1975 г. р., Таджикистан, СПб., 2018).

Если есть сформулированные принципы выбора языка на рабочем месте, то они принадлежат руководителю или владельцу. В разных интервью упоминается о том, что коммуникация на рабочем месте должна осуществляться на русском языке, причем — парадоксальным образом — даже между сотрудниками с одним родным языком и плохо владеющими русским. Обращает на себя внимание, что многие респонденты признают справедливость такого подхода:

- (11) *Потому что нашему хозяину, владельцу этого магазина, ему не нравится, когда разговаривают на своем родном языке. Я тоже с этим согласна. Я приехала в Россию, пожалуйста — на русском. В Киргизии, пожалуйста — на киргизском* (ж., 1978 г. р., киргизка из Узбекистана, Московская область, 2010).

Даже в тех случаях, когда нет эксплицитно сформулированного запрета, мигранты часто придерживаются стратегии избегания и стремятся стать «невидимыми» и «неслышимыми». Например, респондентка рассказывала, что между собой уборщицы разговаривают только на узбекском, при остальных работниках (русскоязычные охранники, слесари и т. д.) «могут на узбекском общаться, обычно никто ничего не говорит», но при начальстве «стараятся не говорить вообще». (Д., ж., 32 г., Узбекистан, работает уборщицей в студенческом общежитии, 2018).

Вполне вероятно, однако, что в этой сфере постепенно происходят изменения. В последнее время в интервью респонденты чаще говорят о том, что на работе общаются на других языках, кроме русского, и этот выбор выглядит как «вариант по умолчанию».

- (12) *И.: Здесь, на работе вы общаетесь с коллегами на узбекском или на русском?*
Р.: На узбекском, не все понимают по-русски (Д., м., 32 года, Узбекистан, работает поваром в грузинском ресторане, СПб., 2018).

Кроме того, в интервью последних лет иногда звучит критика контроля за использованием родного языка, правда, в тех случаях, когда он исходит не от работодателя, а от клиентов.

(13) *И.: Замечания делают?*

Р.: Я, например, сижу на кассе, раньше было такое, а сейчас рот закроют, никто даже замечания не делает — если что-то не так, сразу: «Понаехали». Зачем это слово? (Ф., ж, 1975 г. р., Таджикистан, СПб., 2018, работает кассиром в крупном супермаркете).

Обратная сторона требования использовать на работе русский язык — акцент и ошибки в русском языке, однако акцент также оценивается отрицательно. Работник, не являющийся носителем русского языка, оказывается перед двойным запретом: «Не говори на своем, не говори на плохом русском». Негативное отношение к акценту со стороны русскоязычного большинства упоминалось в предыдущем разделе, однако здесь важно подчеркнуть, что его часто разделяют и сами мигранты, особенно те, кто подчеркивает собственное хорошее знание языка и вытекающее отсюда более высокое положение:

(14) *А кто русский язык знает — это единицы, наверное (среди киргизов в Москве. — В. Б., К. Ф.). Ну, если говорят на русском языке, то только с акцентом, сильным акцентом, меня это сильно раздражает, если честно. Говорят неправильно, все вот это диалекты... (А., 1970 г. р., Киргизия, Московская обл., 2010).*

Акцент в русском языке оценивается как препятствие в работе и признак недостаточного профессионализма. Респондент рассказывала, что в тот момент, когда их школу с грузинским этнокомпонентом объединили с обычной школой, она хотела уволиться с работы. Прежде она вела занятия на русском (хотя могла поговорить на грузинском с детьми, которые хуже знали русский), и ее владения языком было вполне достаточно для объяснения материала в рамках школьной программы; с точки зрения лингвиста, ее русский вполне свободный, однако в произношении сохраняются некоторые акцентные черты.

(15) *Предложено было мне перейти [из грузинской школы в русскую], но сразу я отказалась, потому что русский язык у меня*

не на высшем уровне, сейчас как я уроки буду вести? Еще с грузинами хорошо с акцентом, а русские дети — как меня воспринимать будут? (Д., ж., 56 лет, грузинка из Абхазии, в СПб. с 1993 г., 2017).

Показательно, что информантка не сомневается в своих возможностях объяснить материал или понять детей, но предполагает, что то, что «сошло» для грузин, будет казаться русскоязычным детям смешным или еще по каким-то причинам несовместимым со статусом учителя.

Рассмотрим другую часто упоминаемую в интервью ситуацию — разговор на родном языке на улице или в транспорте, который вызывает неодобрительные взгляды или замечания со стороны окружающих.

(16) *Ну, у нас недавно. Мы только в автобус сели, вчера после вечера. Ну, у нас, когда старший заходит на автобус, сразу младший встанет и место надо освободить. Мы ходили, я поздно вышла из работы, на автобус зайду, уже места не осталось. Там один узбек парень сидел, ну, знакомый. Он сразу встал: «Присядьте сюда». По нашему языку. А потом одна женщина говорит: «Вы почему на своем языке говорите?» (...) Если мы говорим по-русски, то никто ничего не скажет. А если по-своему говорим, сразу все смотрят: «Вы почему вы так говорите? По-русски разговаривайте и все» (З., ж., 42 г., Кыргызстан, СПб., 2018).*

Однако, в отличие от коммуникации на рабочем месте, подобные требования оцениваются как необоснованные:

(17) *У нас до сих пор, Боже мой, Аллах мой, живут русский народ. Не буду даже врать, 45% живет русский народ в этом маленьком Согдиане. И все даже наши национальные платья носят. Хотя они по-русски разговаривают, им никто замечания не делает, а здесь в автобус зашла, не дай Бог, рот открыла, все так смотрят. Я даже иногда удивляюсь, думаю: «Боже мой, когда ты приедешь к нам на экскурсию, отдохнуть приедете, в санаторий, например, ты же все равно по-нашему не будешь говорить, по-своему будешь. Тебе кто-нибудь замечания делает? Нет» (Ф., ж., 1975 г. р., Таджикистан, СПб., 2018).*

При этом информанты иногда замечают противоречивость исходящих от носителей русского языка установок, вскрывая «двойное послание», о котором шла речь выше:

- (18) [нам говорят] *«Вы не в своем доме, вам надо сказать по-русски, вам надо общаться»*. *А если мы по-русски общаемся, то это вам не нравится* (З., ж., 42 г., Кыргызстан, СПб., 2018).

Суммируя результаты анализа коммуникации на рабочем месте и в публичных местах по данным интервью с мигрантами, хотелось бы обратить внимание на несколько моментов. Мигранты подвергаются «двойному контролю», поскольку русскоязычному большинству не нравится ни звучание другого языка, ни русский с акцентом. В то же время, некоторые наши респонденты не признают права контролировать их коммуникацию между собой и, как кажется, подобные настроения чаще встречаются в современных интервью, чем 8–9 лет назад. Обсуждение прав трудовых мигрантов, в том числе права говорить на родном языке, по-видимому, стало одним из допустимых дискурсов. Кроме того, увеличилось количество заведений, где весь младший персонал лучше говорит на узбекском или киргизском языках, что делает эти идиомы языком по умолчанию для быстрого решения прикладных задач.

6. Выводы

Три рассмотренных уровня — реальные практики коммуникации, принципы, постулируемые в дискурсе, и языковая политика на макроуровне — предсказуемо отличаются между собой, однако разделяют ряд общих черт, в том числе негативное отношение к языкам мигрантов. Выше представлена попытка показать, как эти установки реализуются на каждом из уровней и можно ли проследить те моменты, в которых возможны изменения.

Языковая политика на макроуровне не выглядит монолитной сама по себе. Тем не менее, с 2015 г. реализуется ряд федеральных законопроектов, направленных на регулирование знания и использования русского языка трудовыми мигрантами. Общественный дискурс более однороден в том, что касается неприятия многоязычия или ненормативного русского. Особенно важно, что эти представления воспринимаются как норма и часто русскоязычное большинство даже не рассматривает всерьез ситуацию, когда собеседник

может не владеть русским, что широко проявляется в речевой практике, когда вся значимая информация не только в государственных учреждениях, но и в частных заведениях, ориентированных в том числе на иностранцев, дается только по-русски.⁴

Языковой менеджмент, складывающийся на рабочем месте или в публичных местах, в целом демонстрирует более широкий набор вариантов отношения к языку и реакций на многоязычие или слабое владение русским языком. С одной стороны, эти практики в значительной степени отражают монолингвальные установки, в целом свойственные носителям русского языка, что приводит к попыткам контроля за языковым поведением в общественных местах. С другой стороны, в ситуации заинтересованности в успехе при решении повседневных рабочих задач поведение русскоязычных жителей больших городов в качестве коллег или клиентов трансформируется. Вероятно, количество постепенно переходит в качество, а накопление опыта совместной деятельности и увеличение групп, видимых и слышимых на улицах и репрезентируемых в публичном дискурсе, приводит к постепенному осознанию реально существующего в городе многоязычия. Можно предположить, что практики коммуникации в этом отношении оказываются более гибкими, чем дискурс. Другое осторожное предположение связано с рождающимся осознанием собственной «субъектности» среди самих мигрантов. Авторам хотелось бы думать, что разнородность практик позволяет надеяться на возможность постепенного изменения отношения к многоязычию.

Литература

Александров и др. 2012 — Д. А. Александров, В. В. Баранова, В. А. Иванюшина. Дети и родители — мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176–199. [D. A. Alexandrov, V. V. Baranova, V. A. Ivaniushina. Deti i roditeli — migranty vo vzaimodeistvii s rossiiskoi shkoloj [Migrant children and parents in interaction with Russian school]. Voprosy obrazovaniia. 2012. No. 1. P. 176–199].

⁴ Так, например, в пунктах денежных переводов иностранные языки иногда используются в вывесках и рекламных листовках, но в основном на уровне заголовков. Вся практически важная информация, такая как курсы обмена валют и комиссия за перевод денег за границу, доступна только на русском языке, так же как и заполнение любых квитанций и документов.

- Баранова 2012 — В. В. Баранова. Языковая социализация детей мигрантов // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 157–172. V. V. Baranova. [Iazykovaia sotsializatsiia detei-migrantov [Linguistic Socialisation of Migrant Children]. Antropologicheskii forum. 2012. No. 17. P. 157–172].
- Дубровский, Карпенко 2003 — Д. В. Дубровский, О. В. Карпенко. Язык вражды в русскоязычном интернете. СПб.: Издательство Европейского университета, 2003. [D. V. Dubrovskii, O. V. Karpenko. Iazyk vrazhdy v russkoiazыchnom internete [Hate speech in Russian Internet]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2003].
- Зверева 2016 — В. В. Зверева. Дискурсивное конструирование социальной иерархии в Рунете // Е. Г. Лапина-Кратасюк, О. В. Мороз, Е. Г. Ним (ред.). Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 197–223. [V. V. Zvereva. Diskursivnoe konstruirovanie sotsial'noi ierarkhii v Runete [Discourse construction of social hierarchy in Runet]. E. G. Lapina-Kratasiuk, O. V. Moroz, E. G. Nim (eds.). Nastroiika iazyka: upravlenie kommunikatsiiami na postsovetском prostranstve. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. P. 197–223].
- Деминцева 2013 — Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... // Под ред. Е. Б. Деминцевой. М.: Новое литературное обозрение, 2013. [Rasizm, ksenofobiia, diskriminatsiia. Kakimi my ikh uvideli... [Racism, xenophobia, discrimination. How we saw them...]] // Ed. E. B. Deminceva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013].
- Arnaut et al. 2015 — K. Arnaut, J. Blommaert, B. Rampton, M. Spotti. Language and superdiversity. New York: Routledge, 2015.
- Baldauf 2006 — R. Baldauf. Rearticulating the case for Micro Language Planning in a Language ecology context // Language Planning. 2006. Vol. 7. Issue 2–3. P. 147–170.
- Baranova, Fedorova forthcoming — V. Baranova, K. Fedorova. “Invisible minorities” and “hidden diversity” in St. Petersburg’s linguistic landscape // Language and Communication (forthcoming).
- Bessudnov 2016 — A. Bessudnov. Ethnic hierarchy and public attitudes towards immigrants in Russia, *European Sociological Review*. 2016. Vol. 32. Issue 5. Published online. DOI: 10.1093/esr/jcw002.
- Canagarajah 2017 — S. Canagarajah. Translingual practices and neoliberal policies. Attitudes and strategies of African skilled migrants in Anglophone workplaces. Cham, Switzerland: Springer, 2017.
- Deprez 1994 — C. Deprez. Les enfants bilingues: langues et familles. Paris: Didier, 1994.
- Fedorova, Baranova 2018 — K. Fedorova, V. Baranova. Moscow: diversity in disguise // P. Heinrich, D. Smakman (eds.). Urban sociolinguistics: the city as a linguistic process and experience. London: Routledge, 2018. P. 221–237.

- Kliuchnikova 2018 — P. Kliuchnokova. FSU migrants on their ‘audibility’ in Russian urban environments: Self-reflection, communication patterns and performing migrant ‘voices’, presented at Urban linguistic diversity, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, April 9–10, 2018, Moscow.
- Liddicoat, Taylor-Leech 2014 — A. Liddicoat, K. Taylor-Leech. Micro language planning for multilingual education: agency in local contexts // Current issues in language planning. 2014. Vol. 15. Issue 3. P. 237–244.
- Pennycook, Otsuji 2015 — A. Pennycook, E. Otsuji. *Metrolingualism: language in the city*. Routledge, 2015.
- Scarvaglieri et al. 2013 — C. Scarvaglieri, A. Redder, R. Pappenhagen, B. Brehmer. Capturing diversity. Linguistic land- and soundscaping in urban areas // I. Gogolin and J. Duarte (eds). *Linguistic superdiversity in urban areas. Research approaches*. Amsterdam: Benjamins, 2013. P. 45–74.
- Spolsky 2003 — B. Spolsky. *Language policy*. Cambridge University Press, 2003.